

Бессонница... В плену иносказаний,
Выстрадаваясь из чужих страданий,
Растерянной любви. Из-под панамы –
Пролог, не объяснить природой драмы
Луной, спит занавеска, спят в зловещем
Ворчанье в кране... Мудрость жизни – в вещем,
Помалу обретающих ухватки
Чтоб имяреку, чьи устои шатки,
А – разрешиться комариным писком,
В постель наверняка ложатся с риском
наутро не проснуться, дабы впредь

Не засыпать. Из твоего же теста,
с горизонтальной немочью на «ты»,
Протягивает муза из контекста
бессонницы скандальные плоды,
Что, по исходу, то сладки, то терпки.
Рапсод, лелея комплексы свои,
Пленен плакучей пластикой Евтерпы,
подсвеченной дыханьем флейты... И
Полуночью, чьи призраки зловещи,
лицом уткнувшись в жесткий сгиб руки,
Он, слившись с ним, неотличим от вещи,
прочитанному выше вопреки...

* * *

Тайнами всклень налита мешанина итогов,
Жизнь – в ренессансе? – в провале освищенной яви,
Ибо жива круговую порукой пороков,
А не насадных пророков, по сути, не вправе
И на сочувственность... Волею переболеют
Косноязычные массы забывших про корни.
Как, при утопии опия, хрупко бледнеет
Зеркало, воспламенившее память затворника
– умозрительной точкою зренья на бремя
Времени... И наливает набрякшие веки
Тяжесть, промозглая тяжесть: пространство и время
Сходятся, словно к ночному суду, в человеке.
Не перечеть, с приворотом минувшего, сердца,
Ибо открыто закрытости, если в ледащей
Жизни – с заношенным, тусклым лицом страстотерпца,
Не исповедуясь совести, зависть все чаще
Бьет, демонстрирует ревность, наотмашь. Иную
Жизнь не прожить, хоть к себе – отрешенной спиною,
Если бы к миру, что, не отступаясь, вплотную
К сердцу приник с вертоградом своим и золою...
И, дальнотворка, всё душу мордует полярность
Света и тьмы, тяготящихся, впрочем, собою
Этой несносной порой, приструнившей пространность
Низкой струны в носоглотке, доставшей зимою...